

ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ В МАТЕРИАЛАХ ВТОРОГО СИБИРСКОГО КОМИТЕТА

На основе делопроизводственных источников рассматривается история создания Второго Сибирского комитета как особого органа управления восточной окраиной империи. Указываются причины его появления, основные направления деятельности. Анализируются программные документы Второго Сибирского комитета по развитию системы образования в Азиатской России. Приводятся сведения относительно мнения региональных властей по вопросам развития системы образования. Рассматривается взаимодействие центральных и региональных властей. Приведены итоги реализации программы в области образования.

Ключевые слова: Азиатская Россия; Второй Сибирский комитет; управление; реформа; система образования.

Со времени образования единого Российского государства в XVI в. и дальнейшего расширения территории складывающейся империи перед властными структурами неизменно вставала проблема властного освоения, а затем и интеграции в империю вновь присоединённых земель и народов, их населяющих. После присоединения к России территории Казанского и Астраханского ханств этнополитическая и этноконфессиональная картина Российского государства существенно изменилась, доля нерусского населения в составе государства резко возросла. Именно с этого времени центральная власть столкнулась с необходимостью учитывать в своей политике возникший этноконфессиональный фактор [1. С. 83–99].

Новая геополитическая реальность на первом этапе интеграции окраинных территорий обуславливала преобладание военно-мобилизационных методов. В ходе государственного строительства эта особенность правительственного курса выразилась в создании приказной системы, сочетающей в себе как общегосударственные, так и территориальные прерогативы. Вот почему первые приказы – Разрядный, Поместный и другие – строили свою деятельность не по территориальному, а по ведомственному принципу, т.е. обладали общегосударственными функциями [2; 3. С. 85–100].

Однако во второй половине XVII в. в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, стремления к политическому единству огромного, но весьма разнородного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин страны. Вот почему уже в начальный период образования единого российского государства в управленческой практике правительства проявилась тенденция к созданию особых центральных органов управления, но наделенных областной компетенцией, каковым, к примеру, был Сибирский приказ. Практика создания особых комитетов получила дальнейшее развитие в XIX в., в период роста и укрепления бюрократии [4. С. 201–201]. Однако во второй половине XIX столетия практика империи- и нацстроительства на окраинах государства дополнилась и усложнялась не только необходимостью решения задачи экономи-

ческого освоения новых земель в единой связке с Европейской Россией, но и протекала в условиях новых имперских устремлений России на Дальнем Востоке [5]. Именно этими, несомненно важными причинами как внутри-, так и внешнеполитического порядка следует объяснить создание Второго Сибирского комитета в 1852 г.

В начальный период деятельности Второго Сибирского комитета в центре внимания его членов были материалы ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова. Дело тянулось около 4 лет и сопровождалось обширной перепиской. В двух пространных записках, представленных в Сибирский комитет, Анненков подверг резкой критике существующую систему управления в крае, недвусмысленно заявив, что большинство отмеченных им недостатков сибирского управления происходят от «неприменимости в настоящее время» самого сибирского учреждения 1822 г. Подвергнув, таким образом, сомнению сам принцип целесообразности сохранения «сибирского учреждения» как основного закона деятельности местной администрации, Анненков в то же время не смог предложить взамен какую-либо цельную программу, ограничившись лишь отдельными рекомендациями.

Подобная позиция вызвала резкие возражения члена комитета графа Д.Н. Блудова, занимающего в то время сразу две исключительно важные должности – Главноуправляющего вторым (кодификационным) отделением собственной его императорской канцелярии и председателя Департамента законов Государственного совета. Ко времени назначения во Второй Сибирский комитет Блудов имел большой опыт не только административной, но и законодательной деятельности. Именно под его руководством было подготовлено два издания Свода законов Российской империи 1842 и 1852 гг. Не случайно, что к анализу предложений Анненкова Блудов подошел с позиций не только юриста-теоретика, но и юриста, имеющего большой практический опыт законодательской деятельности. В нашу задачу не входит подробный анализ полемики между двумя высокопоставленными сановниками – это задача иного исследования. Гораздо более важным представляется тот факт, что Блудов выступил решительным противником предложений Анненкова об отмене тех статей сибирского учреждения, которые констатировали

необходимость учета региональных особенностей в проведении правительственной политики в крае. По сути, это означало отстаивание политики имперского регионализма одним из ведущих чиновников России. В отзыве от 8 ноября 1852 г., направленном в Сибирский комитет, он без обиняков заявил, что «сибирское учреждение так же, как и все учреждения особенные: Кавказское, Закавказское, Бессарабское, Остзейское – есть и... должно быть не что иное как систематическое указание изъятий из общего губернского учреждения...». Этот тезис Д.Н. Блудов – один из наиболее известных и влиятельных юристов России – подкреплял ссылками на отдаленность края от «центрального управления», особенности «его населения и степени промышленности, и общие свойства и быта его жителей».

Анализ предложений Н.Н. Анненкова, проделанный Д.Н. Блудовым, коснулся и вопроса о насаждении в Сибири помещичьего землевладения. «Без сомнения, – отмечал он, – полезно было бы привлечь и образовать в Сибири настоящее дворянское сословие». Однако последнее вовсе не зависит от желания правительства, продолжал Блудов. По мнению критика, «едва ли кто из помещиков внутренних губерний согласится взять во владение пустую землю...» [6. С. 395]. Блудов, правда, допускал возможность и даже целесообразность раздачи служащим в Сибири дворянам земель в собственность в качестве награды за беспорочную службу. В то же время он выражал серьезные сомнения в возможности осуществления этого пожелания на практике в обозримом будущем. «...Прежде такой раздачи правительству необходимо знать, какие и где можно раздавать земли», – заключал он. Территорию Сибири Блудов склонен был рассматривать «как запасной край России», куда традиционно стремится часть населения и европейского центра, спасаясь от малоземелья. Однако подобные откровения Блудова не следует истолковывать прямолинейно. Конечно, в идеале он не возражал видеть в Сибири мощный класс дворян-землевладельцев, к коим принадлежал и сам. Однако, будучи опытным, причем весьма высокопоставленным чиновником, он вполне сознавал утопичность этого желания, прекрасно сознавая, что помещики из Европейской России не поедут в необжитую и плохо заселенную Сибирь. Именно поэтому в конечном итоге он предлагал рассматривать Сибирь как резервный край русской колонизации на востоке, что объективно должно было способствовать усилению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С гораздо большей долей консерватизма Блудов высказался по вопросу об открытии в крае университета. «При небольшом числе дворян и вообще людей высших классов в Сибири» существующую там сеть учебных заведений – 3 гимназии, 21 уездное и 45 приходских училищ, 3 частных школы – Блудов считал вполне достаточным, а об открытии «в самой Сибири высшего учебного заведения, университета или лицея», по его мнению, было «еще рано помышлять» [Там же. С. 396]. Гораздо более важным считал он «одобрять, поощрять полезные в сем крае предприятия», содействовать развитию торговли и промышленности, чем заниматься несбыточными мечта-

ниями. Такой взгляд на Сибирь был типичен для представителей высшей Петербургской бюрократии середины XIX столетия. Он отражал общие политические настроения властных структур, связанные со стремлением рассматривать Зауральский край скорее как колонию, нежели составную часть империи. В то же время правительство пыталось найти оптимальные формы взаимодействия центра и регионов. Это выразилось в предоставлении местной бюрократии достаточно широких прав при безусловном контроле из столицы, в разработке специального регионального законодательства, иных действиях.

Замечания на проект Анненкова представил и министр государственных имуществ П.Д. Киселев. Свои «соображения» он сопроводил большим количеством статистических сведений, которые представляют несомненный интерес для исследования вопросов экономического развития Сибири. Тем не менее основное внимание министр уделил вопросу о судьбах крестьянского сословия в Сибири. Здесь следует отметить, что взгляд П.Д. Киселева на судьбы крепостного права в России хорошо известен исследователям. Поэтому, не повторяясь, мы обратимся к той части высказываний министра, которая касается непосредственно Сибири. Краеугольным камнем рассуждений Киселева стала резолюция императора на его доклад, представленный Николаю I еще в сентябре 1839 г. Поводом для доклада послужило предложение министерства государственных имуществ о съемке на планы земель в Сибири. Ознакомившись с ними и в целом одобрив их, император в то же время написал буквально следующее: «...ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено в Сибири быть не может» [6. С. 421].

Исходя из этой высочайшей резолюции, Киселев и рассматривал предложения ревизовавшего Западную Сибирь генерал-адъютанта Анненкова. Разумеется, министру были знакомы толки о «желательности» распространения на Сибирь помещичьего землевладения. Однако, будучи человеком хорошо информированным о реальном положении помещичьих крестьян Европейской России, он понимал, что крестьянский вопрос в Сибири нельзя ставить и тем более решать по образу и подобию европейского центра. Охарактеризовав все предшествующие попытки распространения на Сибирь крепостного права, Киселев констатировал, что в Западной Сибири помещичье землевладение существует «лишь в виде немногих исключений», а в восточной ее части «подобных владений вовсе нет». К тому же Киселев хорошо помнил полученную еще в 1839 г. резолюцию императора на упомянутом выше всеподданнейшем докладе. Поэтому он категорически заявил, что «о переселении помещичьих крестьян в Сибирь... за последовавшим высочайшим воспрещением не может быть рассуждения...» [Там же. С. 422]. В то же время министр высказал ряд замечаний по организации управления в Сибири. Так, например, полагая, что «состояние... администрации в такой отдаленной стране», как Сибирь, во многом зависит «от привлечения туда хороших и благонамеренных чиновников», он считал возможным наделять последних землей «за усердную

службу...» [6. С. 424]. Как видим, в данном случае мнения Киселева и Блудова совпадали.

Вопрос о преобразовании волостного управления и ссылки министр предлагал рассматривать через призму таких важных, по его мнению, особенностей Сибири, как «отдаленность и обширность края», «разнородность предметов и особенное положение тамошнего управления...». Несмотря на то что это были лишь самые общие высказывания, нельзя не заметить в них признания Киселевым ряда специфических местных обстоятельств, налагавших известное своеобразие на компетенцию и характер деятельности всех звеньев сибирской администрации. По мнению Киселева, все это следовало учитывать правительству при выстраивании взаимоотношений центра и сибирской периферии. Разумеется, самостоятельность местной администрации должна быть строго дозирована, а в конечном итоге подконтрольна высшему правительству. Но даже в таком усеченном виде в рассуждениях одного из самых близких к императору сановников прослеживается тезис о признании ряда важных местных особенностей, которые следовало учитывать на практике.

В конечном итоге П.Д. Киселев высказал свое отношение и к основному документу азиатской эпопеи М.М. Сперанского – «сибирскому учреждению» 1822 г. Если Сибирь и требует улучшений, заключает он, то они, т.е. улучшения, должны заключаться «не столько в перемене существующих учреждений, сколько... в исполнении ныне действующих постановлений...». А если бы вдруг «постановления сии оказались... недостаточными», тогда следовало дополнить их «новыми устройствами».

Таким образом, Киселев высказался против коренного пересмотра «сибирского учреждения» Сперанского, считая более целесообразным дополнить его при необходимости, чем разрабатывать заново. Более подробные рассуждения на этот счет Киселев посчитал излишними.

Обсуждение предложений Анненкова в Сибирском комитете тянулось до 1856 г. При выработке итогового заключения комитет не только учел высказанные суждения Д.Н. Блудова и П.Д. Киселева, но и вновь назначенного министра внутренних дел С.С. Ланского, считавшего «решительно невозможным» изменять «коренные начала сибирского учреждения». Категоричность Ланского, наряду с прочими причинами, объяснялась еще и тем, что он не видел «никакого ручательства» в том, что новые меры окажутся лучше существующих, а потому считал более целесообразным сохранить основы Сибирского учреждения Сперанского [7. Л. 76 об.]. В конечном итоге 8 ноября 1856 г. последовало высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, которым предписывалось генерал-губернаторам иметь «строгое наблюдение за точным исполнением правил... 1822 г.». Ответственность за эту работу возлагалась на Советы Главных управлений обеих частей Сибири, которым местные власти должны были предоставлять все необходимые сведения на этот счет [8. С. 987].

Таким образом отметим, что предложения Н.Н. Анненкова о пересмотре основ Сибирского

учреждения не нашли поддержки как отдельных членов, так и Сибирского комитета в целом. В обозримом будущем радикальный пересмотр «сибирского учреждения» не предполагался. Речь шла лишь о частичном изменении системы управления, причем в строго дозированных пределах. Думается, что такой подход объясняется отнюдь не «патологической боязнью нового, свойственной большинству дряхлеющего класса» [9. С. 4–26]. Среди представителей правящей элиты середины XIX в. было немало выдающихся мыслителей, администраторов и управленцев. Представляется, что причины подобного поведения и решения Сибирского комитета – в исповедовании Николаевским самодержавием теории контролируемой модернизации. Применительно к окраинам империи это выражалось в стремлении усилить их связь с центром путем административно-правовой централизации. Однако сама по себе эта система была основана на многочисленных изъятиях из общегосударственных правил, что способствовало усилению тенденций к обособленности регионов.

Лишь в конце XIX в. самодержавие пришло к пониманию того факта, что наиболее перспективным способом укрепления связей регионов с центром является русская колонизация с последующей ассимиляцией этносов в полиэтническом государстве [10. С. 169–201].

В последующие годы вплоть до своего закрытия в 1864 г. Сибирский комитет занимался преимущественно законодательными проектами и вопросами текущего управления краем. Из наиболее значимых нормативных актов, активно обсуждаемых в Сибирском комитете, следует отметить серию законов об изменении административно-территориального деления Сибири.

Именно тогда на карте Сибири появились Амурская, Забайкальская, Приморская и Семипалатинская области с военными губернаторами во главе. Подобные мероприятия вызывались стремлением правительства к усилению административного влияния центра на окраинах империи, с одной стороны, и активизацией внешней политики России и на Дальнем Востоке и в Средней Азии – с другой. В этой связи следует отметить и разработку комитетом законопроектов о преимуществах гражданской службы в Сибири. Хотя впоследствии эти законы неоднократно изменялись и дополнялись правительством, тем не менее, основы законодательства, связанные со стремлением самодержавия привлечь на службу в Азиатскую Россию опытных и грамотных государственных служащих, оставались неизменными.

Немаловажное место в деятельности комитета занимали вопросы экономического развития (прежде всего золотодобычи), а также культурной жизни края, в том числе образования.

В 1853 г. по запросу комитета министерствами и ведомствами, в чьем ведении находились учебные заведения, составлен сводный отчет по состоянию учебного дела в Сибири. Как видно из материалов, на территории Сибири действовали 72 учебных заведения министерства народного просвещения. Из них 3 гимназии с пансионами, 21 городское и 45 приходских училищ, 3 частные школы с общим числом уча-

щихся 3 384 чел. В военном ведомстве состояли кадетский корпус в Омске, 2 полубатальона и 2 роты военных кантонистов, 48 школ Сибирского линейного казачьего войска, 14 школ городских полков с 3 187 учащимися. В ведомстве православного вероисповедания находились духовная семинария в Иркутске и 14 начальных училищ с 1 302 учениками, в горном – окружное училище в Барнауле и 23 начальные школы с 1 920 учениками. В особом управлении состояли девичий институт и сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой в Иркутске и 3 детских приюта, в которых обучались 354 чел. Таким образом, по всей Сибири действовали 8 учебных заведений средней школы и 169 начальной, обучались 10 147 чел. [11. Л. 19].

Учитывая статистические данные Ю.А. Гагемейстера по количеству жителей вместе с коренным населением на 1854 г. (2 898 346 чел.), соотношение одного учащегося и общего числа жителей составило 1:286 [12. С. 3]. Памятуя о кадровой проблеме в управленческой сфере, заметим, что в сибирских губерниях исключительно все чиновничьи должности замещались по назначению от правительства. С 1856 г. образование становится обязательным условием при поступлении на государственную службу. Это означало, что будущий чиновник должен был окончить университет, гимназию или уездное (городское) училище или приравненное к ним по статусу учебное заведение. Университет в Сибири отсутствовал, в Западной ее части действовали две гимназии и одиннадцать училищ, в Восточной – Иркутская мужская гимназия и десять уездных училищ в Нерчинске, Иркутске, Енисейске, Верхнеудинске, Троицкосавске, Киренске, Красноярске, Ачинске, Нижнеудинске, Якутске. Очевидно, что вопросы просвещения в Сибири имели особую остроту и государственное значение.

Обобщив полученные сведения, члены Сибирского комитета пришли к единодушному мнению о необходимости развития системы образования.

План Сибирского комитета по развитию системы предполагал увеличение числа приходских начальных училищ, поиск источников финансирования для организации новых мужских гимназий и развития женского образования [13. С. 420]. Относительно подготовки чиновников в плане комитета говорилось о необходимости «дать такое устройство и образование как уездным училищам по городам, так и гимназиям по губерниям, чтобы заведения сии могли образовывать способных и достойных чиновников для службы в Сибири из уроженцев края» [11. Л. 19]. Под устройством понималось введение в учебную программу курсов по правоведению и «бухгалтерии». Также говорилось о дополнительном выделении в Казанском университете мест для выпускников сибирских гимназий либо приеме в другие, подобные учебные заведения «сверх Казанского университета» [Там же]. Членами комитета обсуждались варианты развития национального образования и образования учебного округа с учреждением ведомственных органов управления.

Ознакомившись с планом Сибирского комитета, Министерство народного просвещения изложило ведомственную позицию. Увеличение числа гимназий, открытие университета, организацию учебного округа

сочли возможным в случае формирования в Сибири дворянского сословия. По этому поводу чиновники министерства писали: «В случае подтверждения предположения об образовании там особого дворянского сословия и не иначе, когда сословие будет образовано и когда по этому (открытию университета. – *Прим. автора*) встретится действительная надобность» [11. Л. 23]. Решения кадровой проблемы в управленческой сфере министерство видело в изменении учебного плана гимназий без открытия вуза. Заметим, что критическое отношение министерства к проекту комитета в первую очередь основано на отсутствии в Сибири дворянского сословия, недостаток средств в качестве причины не указывался. Относительно увеличения числа приходских школ министерство принципиальных возражений не имело. Учреждение приходских школ организационно и финансово возлагалось на плечи местных властей. В развитии начального образования участие министерства сокращалось до обеспечения школ учительскими кадрами. В целом относительно планов сибирского комитета министерство заняло пассивную позицию, предполагающую минимальные действия со стороны ведомства.

Неоднозначную оценку планам Сибирского комитета дали генерал-губернаторы Восточной и Западной Сибири, заняв противоположные позиции. Н.Н. Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири, положительно отнесся к предложению об увеличении числа приходских школ, отдав распоряжение по «изысканию средств» [Там же]. Относительно национального образования губернатор считал, что оно возможно лишь после «обращения инородцев в православие», находил «излишним» увеличение числа гимназий и уездных училищ, считал «достаточным» количество женских учебных заведений и «нецелесообразным направлять местную молодежь на учебу в Казанский университет» [Там же. Л. 25].

Особенно остро отреагировал Н.Н. Муравьев-Амурский на вопрос подготовки чиновников из уроженцев Сибири. Он писал, что «совершенно убедился в необходимости, чтобы управление тамошнее состояло не из сибирских уроженцев. ...и даже если и из сибирских... то во всяком случае таких, которые с юных лет удалены были для воспитания с места их родины» [Там же. Л. 17]. Генерал-губернатор был совершенно уверен в пагубных чертах местного населения и высказывался против открытия университета и учреждения учебного округа в Восточной Сибири.

В Западной Сибири проект Сибирского комитета получил поддержку со стороны региональных властей. Предметом обсуждения становится организация учебного округа. Генерал-губернатор Г.Х. Гасфорт выступил с предложением о реорганизации прежней системы управления, введении должности попечителя с передачей ему полномочий губернаторов в области народного просвещения. Инициатива Г.Х. Гасворда совпадала с проектами Сибирского комитета, однако со стороны министерства были встречены разного рода препятствия. Длительная бумажная волокита, поиск источников финансирования, оптимальной формы управления затянули согласование проекта на

пять лет. Результатом длительной переписки становится подписание в 1859 г. «Положения об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири» [14. С. 105–107]. Генерал-губернатор возглавил все учебные заведения на правах попечителя. Непосредственный надзор за учебными заведениями возлагался на главного инспектора училищ, который, по сути, становился основным должностным лицом в системе образования на региональном уровне. В 1862 г. полномочия главного инспектора были существенно расширены вплоть до принятия самостоятельных решений во время отсутствия генерал-губернатора. Таким образом, вместо самостоятельного учебного округа в Западной Сибири вводилось особое управление учебными заведениями, которое стало компромиссом между региональной и центральной властью.

Столкнувшись с реальным положением дел в области народного просвещения, члены Сибирского комитета несколько изменили мнение относительно открытия университета в Сибири. На изменение решения повлияла и субъективная позиция генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. Член Государственного совета Н.Н. Анненков, не отказываясь от идеи открытия университета, считал, что, получив высшее образование и отслужив в чиновниках определенный срок, выпускники уедут в поисках дальнейшей службы в Европейскую Россию. Д.Н. Блудов и В.Н. Панин заняли консервативную позицию. Блудов высказал мнение, что «еще рано помышлять о том», а Панин предлагал готовить чиновников в столице, введя для сибирских уроженцев льготы. Министр государственных имуществ А.А. Зелений считал достоянием открытием дополнительных классов при гимназиях, соглашаясь с мнением министерства народного просвещения. Как видно, члены Сибирского комитета отказались от намерения открыть в Сибири университет, придя к решению улучшить качество образования в гимназиях «но, не приступая ни в коем случае к учреждению в Сибири высшего учебного заведения, потому что оно... не принесет существенной пользы краю, где в настоящее время весьма мало таких лиц, для которых было бы необходимо получить высшее образование» [11. Л. 72].

Широкое обсуждение местных учебных властей получило предложение Сибирского комитета по из-

менению учебных программ гимназий и реальных училищ. Относительно преподавания «форм производства дел и судебного порядка» все директора училищ Восточной Сибири высказались против, называя разные причины. Директор училищ Иркутской губернии К.П. Бобановский указал «малое число обучающихся детей, имеющих право вступать в гражданскую службу» [11. Л. 52]. В Енисейской и Забайкальской области директора посчитали введение правоуказания «едва ли полезным». Лишь в Якутии и Кяхтинском градоначальстве сочли «полезным и возможным ввести дополнительные курсы» [Там же]. Преподавание «бухгалтерии» нашли приемлемым все директора, более того, этот курс уже читался в Иркутском уездном училище.

В результате длительных согласований и проработок программа Сибирского комитета по развитию системы образования получила воплощение в жизнь лишь отчасти. За период деятельности комитета с 1852 по 1864 г. удалось изменить систему управления учебными заведениями в Западной Сибири, открыть женские училища в Иркутске, Николаевске, Омске, Томске, начать переписку по поводу открытия мужской гимназии в Красноярске, незначительно увеличить число приходских училищ. Введение новых практико-ориентированных дисциплин в учебный план гимназий и уездных училищ ограничилось «бухгалтерией».

Анализ проекта Сибирского комитета говорит о понимании правительством ключевых проблем в развитии системы образования, в то же время результаты его реализации указывают на избирательность действий правительства. Преобразования затронули преимущественно городские школы, удовлетворяя потребности служащих и отчасти городского сословия. Сельская школа продолжала развиваться на общественных началах, сохраняя примитивную учебную программу. Отсутствие университета и окружной системы управления препятствовали интеграции региональной образовательной системы в общероссийскую. Обобщая вышесказанное, отметим, что программа Сибирского комитета по развитию системы образования носила прогрессивный характер, но в условиях нерешительной позиции правительства, недостатка финансирования и региональных особенностей была преждевременной и не могла реализоваться в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. 2004. Вып. 8. С. 83–99.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи. XIX – начала XX вв. Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH & Co. KG Heinrich – Bochkinh- Str.8, 66121 Saarbruchkn, Germany. 65 с.
3. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи ХУШ – первой половины XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 85–100.
4. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начала XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 4 (16). С. 201–211.
5. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004.
6. Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. 532 с.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1265. Оп. 2. Д. 64(А). Л. 76 об.
8. Полное собрание законов Российской империи-II. СПб., 1857. Т. 31. С. 987.
9. Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1971. Вып. 2. С. 4–26.
10. Бахтурина А.Ю. Институты и структуры управления окраинами России XIX – начала XX века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 169–201.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 95. Л. 252.
12. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 2. 1227 с.

13. Волчек В.А. Осуществление имперской политика на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. 420 с.
14. Блинов А.В. Реформы в области управления образованием на территории Западной Сибири // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 12 (90). С. 105–107.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 ноября 2016 г.

ASIAN RUSSIA EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT PROGRAMS IN THE SECOND SIBERIAN COMMITTEE RECORDS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 92–97

DOI: 10.17223/15617793/414/14

Inna N. Mamkina, Transbaikalian State University (Chita, Russian Federation); Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Lev M. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com

Irina L. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dameshek@rambler.ru

Keywords: Asian Russia; Second Siberian Committee; governance; reform; education system.

The issue of government bodies organization and activities on the empire outskirts is considered in the context of indigenous peoples and new lands exploration history and their integration into the empire. The need to take into account territorial and national differences of Asian Russia had led to the formation of special authorities with a special competence, one of which was the Second Siberian Committee. To attain the research objective the authors have made an attempt to give a complex analysis of the Committee history and its activity assessment in the field of the regional education system development. On the basis of the Russian State Historical Archive clerical documentary sources, the published statistical data, and using comparative-historical, retrospective, functional methods, the authors have defined the Second Siberian Committee members' positions concerning Siberia's governance models, determined the main Committee's activity directions, analyzed the program documents related to the education system development. The authors have come to a conclusion that the Siberian Committee's members, guided by the autocracy commitment to the controlled modernization theory, had not supported N.N. Annenkov's proposal to review the Siberian Statute framework of 1822. Only at the end of the 19th century the authorities came to the awareness of the Russian colonization perspectives with the subsequent ethnos assimilation in the poly-ethnic state. The authors focus attention on the Committee's activities in the field of national education development. The data on the Second Siberian Committee projects in the field of education system development are introduced for the first time into the scientific circulation. The authors have determined the main directions of the system changes in the Committee's projects, in particular, the university establishment, the educational district organization, the increased number of secondary and primary educational institutions. Having studied the statistical data on public education, the authors have noted the timeliness of the Committee members' proposals. By reviewing the Siberian Committee's correspondence with the Ministry of Public Education and Eastern and Western Siberia Governor Generals, the authors come to a conclusion about the central and local authorities' ambiguous assessment of projects. The position of the Ministry centered only on the curriculum changes in gymnasia, not on the necessity to increase the number of educational institutions. The authors note that Governor General of Eastern Siberia N.N. Muravyev-Amursky, taking into account the specific local population, did not see any perspective in the education system development. Governor General of Western Siberia G.H. Gasfort, on the contrary, supported the Siberian Committee project and petitioned for its realization. Having investigated the Siberian Committee educational projects results, the authors have come to a conclusion about their partial implementation. The provisions on the educational district and university establishment had not been realized. The Committee projects were rather progressive but could not be fully implemented in the controlled modernization conditions and the lack of funding.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2004) Osobyie komitety kak organy upravleniya okrainami Rossiyskoy imperii v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Special committees as administrative bodies of the outskirts of the Russian Empire in the 18th – first half of 19th centuries]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Ser. 4: Istoriya – The Buryat State University Bulletin. Series 4. History*. 8. pp. 83–99.
2. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (n.d.) *Osobyie komitety kak organy upravleniya okrainami imperii. XIX – nachala XX vv.* [Special committees as control bodies of the border regions of the empire in the 19th – early 20th centuries]. Saarbrücken, Germany: Palmarium Akademik Publishing.
3. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2014) Special Committees as Governing Bodies of Russian Empire's Borderlands in the 18th – First Half of the 19th Centuries. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 3 (15). pp. 85–100. (In Russian).
4. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2014) Asian Russia in the Imperial Objectives of the Special Committees of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 4 (16). pp. 201–211. (In Russian).
5. Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russian Far East. Imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk. State University.
6. Prutchenko, S. (1899) *Sibirskie okrainy. Prilozheniya* [Siberian border regions. Supplements]. St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 2. File 64(A). Page 76 rev. (In Russian).
8. Russian Empire. (1857) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii-II* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire-II]. Vol. 31. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
9. Kuznetsov, A.S. (1971) Sibirskaya programma tsarizma 1852 g. [Siberian program of Tsarism, 1852]. *Ocherki istorii Sibiri*. 2. pp. 4–26.
10. Bakhturina, A.Yu. (2003) Instituty i struktury upravleniya okrainami Rossii XIX – nachala XX veka [Institutions and the border administration structure Russia in the 19th – early 20th centuries]. In: Pyzhikov, A.V. (ed.) *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Rossii. Istoriya i sovremennost'* [The administrative-territorial structure of Russia. History and modernity]. Moscow: Olma-Press.
11. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 84. File 95. Page 252. (In Russian).
12. Gagemeyster, Yu.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. Vol. 2. St. Petersburg: tip. II Otd. Sobstv. e. i. vel. kantselyarii.
13. Volchek, V.A. (2006) *Osushchestvlenie imperskoy politik na vostochnykh okrainakh Rossii v deyatelnosti vtorogo sibirskogo komiteta* [Implementation of the imperial policies on the eastern outskirts of Russia in the activities of the Second Siberian Committee]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga.
14. Blinov, A.V. (2009) Reformy v Oblasti upravleniya obrazovaniem na territorii Zapadnoy Sibiri [Reforms in the field of education management in the territory of Western Siberia]. *Vestnik TGPU – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 12 (90). pp. 105–107.

Received: 13 November 2016